

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д40

N.K. Jemisin
THE FIFTH SEASON
Copyright © 2015 by N.K. Jemisin
Cover design by Lauren Panepinto
Cover © 2015 Hachette Book Group, Inc.

Оформление серии *А. Саукова*

Джемисин, Н. К.

Д40 Пятое время года. Кн. 1. Расколотая земля / Н. К. Джемисин ; [пер. с англ. Н. Некрасовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-099245-4

Грядет новая Зима.

Мир, в небе которого парят Обелиски, пережил уже много Зим. Одни цивилизации гибнут, возникают другие. А когда землю не сотрясают извержения вулканов, люди все так же ненавидят не похожих на них. Глухачи презрительно называют роггами тех, кто способен слышать землю и двигать горы. Кто они – проклятые или боги в цепях, которых стерегут улыбчивые и жестокие Стражи?..

Иссун, потерявшая сына и дочь и жаждущая мести. Дамайя, преданная родителями и отданная Стражам. Сиенит, все лучше контролирующая свои способности...

Но бывают испытания, которые ломают даже богов. Что же станет последней каплей, встряхнувшей весь мир до основания?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099245-4

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Всем, кому приходится
сражаться за уважение,
которое другим дается априори.*

ПРОЛОГ

Ты здесь

Начнем с конца света. Почему бы и нет? Покончим с ним и перейдем к более интересному. Сначала личный конец. Есть то, что она будет обдумывать снова и снова в грядущие дни, представляя, как погибает ее сын, и пытаясь сжиться с тем, с чем в принципе сжиться нельзя. Она накроет искалеченное тельце Уке одеялом — кроме его лица, поскольку он боится темноты, — и будет сидеть рядом с ним, ни на что не реагируя, не думая о гибнущем снаружи мире. В ее душе мир уже умер, и все всегда кончается не в первый раз. Она уже привыкла к такому.

Она думает — и потом будет думать одно: *Зато он был свободен.*

И горькая, усталая половина ее души отвечает на этот почти вопрос ее обезумевшей, потрясенной половины души, когда той удастся задать его:

Нет. На самом деле нет. Но теперь будет.

* * *

Но вам нужен контекст. Попытаемся начать с конца еще раз, в масштабе континента.

Вот земля.

Обычная, как все земли. Горы, плато, каньоны, реки и прочие подробности, как обычно. Совсем обыкновенная, за исключением размеров и динамизма. Она много двигается, эта

земля. Как лежащий в постели старик ворочается и вздыхает, морщится и пускает газы, зевает и сглатывает. Естественно, народ этой земли называет ее Спокойствием. Это страна спокойствия и горькой иронии.

У Спокойствия были и другие имена. Некогда эта земля была несколькими другими землями. Сейчас это один большой, единый континент, но в какой-то момент в будущем он снова станет несколькими.

На самом деле очень скоро.

И начало конца в городе: самом большом и самом величественном живом городе в мире. Город называется Юменес, и некогда он был сердцем империи. Он остается сердцем много чего, хотя империя несколько усохла с дней своего расцвета, как все империи.

Юменес уникален не из-за своих размеров. В этой части мира много больших городов, протянувшихся цепью вдоль экватора, как пояс континента. В других местах мира деревни редко вырастали в городки, а городки редко разрастались до городов, поскольку все эти поселения трудно сохранить в живых, когда земля постоянно пытается сожрать их... но Юменес был стабилен большую часть своих двадцати семи веков существования.

Юменес уникален потому, что только здесь люди осмелились строить не ради безопасности, не ради комфорта, но из отваги. Стены города — шедевр изящной мозаики, изображающей долгую и жестокую историю его народа. Из теснящихся масс его домов воздеваются, подобно каменным перстам, огромные башни, рукотворные фонари, питаемые современным чудом — гидроэлектричеством, тонкие изгибы мостов, сплетенных из стекла и дерзости, и архитектурные сооружения, называемые *балконами*, такими простыми и душераздирающе глупыми, которых никогда прежде, судя по летописям, не строили. (Но большая часть истории не записана. Запомните это.) Улицы вымощены не легко заменяемой брусчаткой, но гладким, не имеющим швов чудесным веществом, называемым *асфальт*. Даже хижины Юменеса отважны, поскольку это всего лишь тонкостенные хибары, кото-

рые снесет в сильную бурю, не говоря уже о землетрясениях. Но они стоят как они есть уже много поколений.

В сердце города много высоких зданий, так что вряд ли удивительно, что одно из них больше и дерзостнее остальных, вместе взятых: массивное строение, в чьем основании лежит звездная пирамида, тщательно вырезанная из блока обсидиана. Пирамиды — наиболее устойчивые архитектурные формы, а это пятикратная пирамида, почему бы и нет? И поскольку это Юменес, на вершине пирамиды покоится большая геодезическая сфера, чьи фасетчатые стены напоминают прозрачный янтарь. Она словно легко балансирует — хотя на самом деле каждая часть звездной структуры создана ради единственной цели — поддержания сферы. Она *выглядит* ненадежной, и только это имеет значение.

Черная Звезда — место, где встречаются предводители империи ради своих предводительских дел. В этой янтарной сфере они держат своего императора, тщательно охраняемого и совершенного. Он блуждает по своим золотым чертогам в вежливом отчаянии, делая то, что ему говорят, и страшится того дня, когда его хозяева решат, что его дочь — более совершенное украшение.

А вообще, ни это место, ни эти люди не имеют значения. Я упоминаю их просто ради контекста.

Но здесь есть человек, который будет иметь очень большое значение.

Можете пока придумать, как он выглядит. Даже представить, что он думает. Это может быть ошибкой, просто предположением, но все же какое-то правдоподобие есть. Судя по его последующим действиям, сейчас у него в голове может быть всего несколько мыслей.

Он стоит на холме неподалеку от обсидиановых стен Черной Звезды. Отсюда ему видна большая часть города, он чувствует его дым, погружается в его бессмысленный лепет. По асфальтовой дорожке внизу идет группа молодых женщин — этот холм является парком, который очень любят горожане. (Сохраняйте зелень внутри стен, советует камнелористика, но в большинстве сообществ земля занята огородами и прочими

обогащающими почву насаждениями. Только в Юменесе зелень включена в картину красоты.) Женщины смеются словам одной из своих товаров, и ветерок приносит смех к мужчине на холме. Он закрывает глаза и наслаждается нежным тремолом их голосов, тонким эхом их шагов, подобным биению крыльев бабочки о его сэссапины. Он не может сэссить семь миллионов жителей города, представьте себе. Он хорош, но не настолько. Большинство их, однако, да, они здесь. *Здесь*. Он глубоко вздыхает и становится основой земли. Они идут по его нервным волокнам, их голоса шевелят волоски на его коже, их дыхание колеблет воздух, который он вбирает в легкие. Они на нем. Они в нем.

Но он знает, что он не один из них и никогда таким не будет.

— Знаешь, — как бы между прочим говорит он, — что первое предание камня было действительно *написано* на камне? Чтобы его нельзя было изменить ради моды или политики. Чтобы оно не стерлось.

— Знаю, — отвечает его спутница.

— Хм. Да, ты ведь наверняка была там, когда этот камень был установлен. Я и забыл. — Он вздыхает, глядя вслед уходящим женщинам. — Тебя легко любить. Ты не предашь меня. Ты не умрешь. И я знаю цену заранее.

Его спутница не отвечает. Он и не ждал ответа, хотя отчасти и надеялся. Он так одинок.

Но его надежда никого не интересует, и прочие известные ему чувства принесут ему только отчаяние, если он снова подумает о них. Он достаточно думал о надежде. Время смятения кончилось.

— Заповедь, — говорит он, раскинув руки, — запечатлена в камне.

Представьте, что его лицо болит от улыбки. Он улыбался часами: стиснув зубы, раздвинув губы, прищулив глаза до «гусиных лапок». Улыбаться так, чтобы другие поверили твоей улыбке, — истинное искусство. Всегда важно включать глаза, иначе люди поймут, что ты их ненавидишь.

— Слова, высеченные на камне, — абсолют.

Он не обращается ни к кому конкретно, но рядом с ним стоит женщина — в каком-то смысле. Сходство с женщиной лишь поверхностно — это знак вежливости. Точно так же свободное, волнами стекающее платье на самом деле не является одеждой. Она просто преобразовала часть своей плотной субстанции ради предпочтений хрупких смертных существ, среди которых в настоящий момент находится. Издалека она сойдет за спокойно стоящую женщину — хотя бы на некоторое время. Однако вблизи гипотетический наблюдатель заметит, что ее кожа — белый фарфор, и это не метафора. Как скульптура она была бы прекрасна, хотя и чересчур жестоко реалистична для местных вкусов. Большинство юменийцев предпочитают вежливую абстракцию вульгарной реальности.

Когда она поворачивается к мужчине — медленно, камнееды медлительны на поверхности, за исключением тех случаев, когда они скоры, — и это движение превращает ее мастерскую красоту в нечто совершенно иное. Мужчина привык к такому, но все равно не смотрит на нее. Он не хочет, чтобы это внезапное изменение испортило мгновение.

— Что вы сделаете, — спрашивает он ее, — когда все свершится? Твой народ поднимется из обломков и заберет мир себе?

— Нет, — отвечает она.

— Почему нет?

— Мало кому из нас это интересно. Кроме того, вы же все равно останетесь здесь.

Мужчина понимает, что «вы» — это множественное число. *Твой род. Человечество.* Она часто говорит с ним так, будто он представляет всех. Он так же обращается к ней.

— Ты так уверена.

Она ничего не отвечает на это. Некоторые камнееды редко снисходят до констатации очевидного. Он и рад, поскольку то, как она говорит, всегда раздражает его — не колыша воздуха, как человек. Он не понимает, как это работает. Ему все равно, как это работает, но сейчас ему хочется, чтобы она молчала.

Он хочет, чтобы *все* молчало.

— Кончай, — сказал он. — Пожалуйста.

И затем он устремляется вперед со всем тем тонким контролем, который мир изъял, вероломно отнял, выбил из него, со всей чувствительностью, которую хозяева выводили в нем в течение поколений насилия, обуздания и противоестественного отбора. Его растопыренные пальцы вздрагивают, когда он ощущает несколько отвечающих эхом точек на карте своего сознания — его сородичей-рабов. Он не может освободить их в материальном смысле. Он уже пытался раньше и потерпел поражение. Однако он может сделать так, чтобы их страдания послужили делу большому, чем гордыня одного-единственного города и страх одной-единственной империи.

Потому он погружается вглубь и охватывает гудящую, галдящую, суетную, отдающуюся эхом и идущую волнами громадность города, и спокойствие скалы под ним, и злое бурление жара, и давление под ней. Затем он тянется вширь и хватает огромную тектоническую плиту головоломки под названием земная кора, на которой покоится континент.

В конце он тянется наверх. За силой.

Он охватывает все — все страты, магму, людей и силу своими воображаемыми руками. Все. Держит в объятиях. Он не один. С ним земля.

Затем он *ломает* все.

* * *

Вот Спокойствие, которое не знает покоя даже в лучшие дни.

Теперь он идет волнами и гудит среди катаклизма. Теперь его рассекает линия, тянущаяся примерно в направлении с востока на запад, слишком прямая и аккуратная, чтобы быть естественной. Она опоясывает землю по экватору. Начало ее находится в городе Юменесе.

Линия глубокая и свежая, разрез до живого нутра планеты. В ней вспучивается магма, свежая, пламенеющая алым. Земля умеет сама себя лечить. В геологическом смысле рана бы-

стро затянется, затем очистительный океан двинется по ней, чтобы рассечь Спокойствие на две части. Однако до тех пор рана будет нарывать, извергая не только жар, но и газ, и темный хрусткий пепел, которым за несколько недель покроется вся поверхность Спокойствия. Растения погибнут, животные, питавшиеся ими, начнут голодать, и животные, питавшиеся этими животными, тоже начнут голодать. Зима будет ранней и лютой, и будет она долгой-долгой. Конечно, она закончится, как и все зимы, и когда-нибудь мир станет прежним.

Когда-нибудь.

Население Спокойствия живет в постоянном состоянии готовности к катастрофе. Они строили стены, рыли колодцы и запасали еду. Они вполне могут пережить пять, десять, даже двадцать пять лет без солнца.

В данном случае «когда-нибудь» означает несколько тысяч лет.

Смотри, облака пепла уже расползаются по небу.

* * *

Рассмотрев ситуацию в масштабе континента, перейдем к планетарному масштабу и обратимся к обелискам, парящим над всем этим.

Некогда эти обелиски назывались иначе — в те времена, когда они были созданы, развернуты и использованы, но никто не помнит их названия и предназначения этих великих устройств. Воспоминания в Спокойствии хрупки, как сланец. На самом деле мало кто вообще на них обращает внимание, хотя они огромны, прекрасны и немного пугающи: массивные хрустальные осколки, парящие в облаках, медленно вращающиеся и плывущие непонятными небесными путями, размазываясь то и дело, словно они не совсем реальны, — хотя это может быть всего лишь игрой света. (Это не так.) Очевидно, что обелиски — не природные явления.

Также очевидно, что они нелепы. Потрясающе, но бесполезны: очередной могильный камень очередной цивилизации, успешно уничтоженной неустанными трудами Отца-Земли. В мире много таких погребальных холмов — тыся-

чи разрушенных городов, миллионы памятников богам и героям, которых никто не помнит, несколько десятков мостов в никуда. Современная мудрость Спокойствия говорит, что ими не следует восхищаться. Люди, их построившие, были слабы и умерли, как и следует слабым. Но самая большая их вина в том, что они *проиграли*. И строители обелисков проиграли сильнее остальных.

Но факт в том, что обелиски существуют и играют роль в конце света, потому что они достойны упоминания.

* * *

Вернемся к личному. Не будем отрываться от земли, ха-ха.

Вернемся к женщине, о которой уже упоминалось. Той, у которой погиб сын. По счастью, она оказалась не в Юменесе, иначе наша повесть была бы очень короткой. И тебя не существовало бы.

Она находится в городке под названием Тиримо. В терминологии Спокойствия городок — одна из форм общины, но такие общины, как Тиримо, слишком малы для этого названия. Тиримо лежит в долине, носящей такое же имя, у подножия гор Тиримас. Ближайший источник воды — пересыхающий ручей, который местные называют Малая Тирика. На ныне несуществующем языке, от которого остались лишь лингвистические осколки, «эатири» означает «спокойный». Тиримо далеко до блестящих, стабильных городов Экваториалей, так что здесь строят в расчете на неизбежные землетрясения. Здесь нет искусных башен или карнизов, просто стены из дерева и местного дешевого коричневого кирпича на фундаменте из тесаного камня. Никаких асфальтовых дорог, только травянистые склоны, прорезанные грязными тропинками, и лишь некоторые из них замощены досками или брусчаткой. Это мирное место, хотя катаклизм, только что произошедший в Юменесе, вскоре разослал сейсмические волны, разрушившие весь регион.

В этом городе есть дом, похожий на все прочие. Дом, стоящий на одном из склонов, чуть более, чем дыра в земле, обложенная глиной и кирпичами, чтобы вода не проникала, по-

крытый кедровыми досками и дерном. Изощенный народ Юменеса насмехается (насмехался) над такими примитивными землянками, когда вообще снисходит (снисходил) до разговора о таких вещах, но для жителей Тиримо обитать в землянках и разумно, и просто. Там прохладно летом и тепло зимой, они выдерживают как землетрясения, так и бури.

Женщину зовут Иссун. Ей сорок два года. Она, как большинство женщин Срединыя, высокая, когда стоит, с прямой спиной и высокой шеей, с широкими бедрами, легко давшими рождение двум детям, грудями, щедро вскормившими их, и широкими гибкими плечами. Сильная, крепкая — такое ценят в Спокойствии. Волосы обрамляют лицо длинными жесткими косичками, каждая толщиной в ее розовый палец, черные, выпцветшие до коричневого на кончиках. Ее кожа по некоторым стандартам неприятного цвета охры, по другим — неприятного бледно-оливкового цвета. Полукровки-срединники — так называют (называли) таких в Юменесе. Достаточно много от санзе, чтобы не стыдиться показываться на люди, но слишком мало, чтобы об этом говорить.

Мальчик был ее сыном. Его звали Уке, ему было почти три года. Он был мал для своих лет, с большими глазами, носом-кнопочкой, умный не по годам и с чудесной улыбкой. У него было все, чем человеческие дети привлекают любовь своих родителей с тех пор, как этот биологический вид обрел зачатки разума. Он был здоровеньким и умненьким и должен был жить.

Это был их домик. Он был уютным и спокойным, с большой комнатой, где семья могла собираться и разговаривать, есть, играть или тискать и щекотать друг друга. Она любила нянчить там Уке. Она думала, что и зачат он был там.

И там же его отец забил его насмерть.

* * *

Ну и в довесок: днем позже, в долине, где стоит Тиримо. К тому времени первое эхо катаклизма уже прокатилось по ней волной, хотя потом еще будут афтершоки.